

УДК 821.352.3.09 «1917/1991»

ББК 83.3 (2=Ады) 6

П 16

Панеш У.М.

Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и массовых коммуникаций, декан филологического факультета Адыгейского государственного университета, e-mail: filfak-agu@mail.ru

Шаззо Ш.Е.

Доктор филологических наук, профессор, зав отделом литературы Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. Керашева: arigi@mail.ru

Хачмафова З.Р.

Доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой немецкой филологии Адыгейского государственного университета, e-mail: sessvetla@mail.ru

**О фольклорных истоках и особенностях формирования жанра
рассказа в новописьменной «прозе исторического перелома»
(на материале адыгских литератур 20 – 30 гг.)
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматриваются на основе сравнительно-типологического метода особенности формирования жанра рассказа в новописьменной «прозе исторического перелома». Характеризуются истоки: фольклорная основа, влияние восточного искусства, просветительская эстетика, опыт русской литературы XIX века. Отмечается, что первые произведения Т. Борукаева, И. Ашкана, Али Шогенцукова, З. Максидова, И. Цея испытывают влияние как традиций реализма, так и «эстетики предельных контрастов», характерной для первого этапа формирования новописьменной литературы. Устанавливается также, что в творчестве писателей проявляется тенденция усиления художественной проблемности за счет изображения новых черт героя революционной реальности. Актуальность темы обусловлена необходимостью анализа отдельных национальных литератур в контексте формирования общероссийской художественной общности. Рассказ 20 – 30-х гг. выработал в адыгских литературах такие проблемные и структурно-стилевые черты, которые отразили общие особенности начального этапа развития общероссийского искусства.

Ключевые слова:

Социалистический реализм, «проза исторического перелома», жанровые особенности рассказа, типологическая связь, новописьменная литература, структурно-стилевая особенность, концепция нового человека.

Panesh U.M.

Doctor of Philology, Professor of Department of Literature and Mass Communications, Dean of Philological Faculty, Adyghe State University, e-mail: filfak-agu@mail.ru

Shazzo Sh.E.

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Literature of the Adyghe Republican Institute for the Humanities Research named after T. Kerashev: arigi@mail.ru

Khachmafova Z.R.

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the German Philology, Adyghe State University, e-mail: sessvetla@mail.ru

**On folklore sources and features of the story genre formation in new written «prose of historic breakthrough»
(from material of the Adyg literatures of 1920 – 1930s)**

Abstract:

The paper explores the features of the story genre formation in new written «prose of a historic breakthrough» on the basis of a comparative typological method. Sources are characterized: folklore basis, influence of the Oriental art, educational esthetics, and experience of the Russian literature of the 19th century. T. Borukaev, I. Ashkan, Ali Shogentsukov, Z. Maksidov, I. Tsey's first works come under influence of both traditions of realism, and the «esthetics of extreme contrasts» typical of the first stage of formation of new written literature. Also it is established that the tendency of strengthening art problematical character at the expense of depicting new lines of the hero of revolutionary reality is displayed in works of writers. The relevance of a subject is caused by need of the analysis of separate national literatures in the context of formation of the combined Russian art community. It is inferred that the story of the 1920 – 1930s has developed in the Adyg literatures such problem, structural and style lines which have reflected the general features of the initial stage of development of the combined Russian art.

Keywords:

Socialist realism, «prose of a historic breakthrough», genre features of the story, typological communication, new written literature, structural and style feature, concept of the new person.

Формирование жанра рассказа «прозы исторического перелома», связанного с революционными изменениями в обществе, совпадает в адыгских литературах со временем возникновения письменности и профессионального искусства слова. Известно, что творческая интеллигенция в этой сложной ситуации поиска ориентировалась на различные традиции. Кабардинский писатель Х. Теунов к примеру, отмечает воздействие арабской поэтики на творчество некоторых стихотворцев [1: 110]. Интерес северокавказских литератур к восточному искусству и поэтическим возможностям арабского языка был вызван сложившимися ранее культурно-историческими связями.

Найти верный ориентир, ведущий к эстетическому идеалу, определенному временем, можно было, обратившись к живой

реальности и на основе развития собственного национального художественного опыта [2]. Имеются в виду поэтика богатого фольклора и традиции просветительской литературы, сложившейся в XIX веке. Устное народное творчество, действительно, сыграло большую роль, но оно, с его романтической символикой, нерасчлененностью и специфическими возможностями, не могло справиться с проблемой психологического анализа, с необходимостью показа личности в ее сложной связанности с общественными положениями.

Что касается просветительской литературы XIX века, то нельзя отрицать, что к нему причастно творчество ряда известных писателей и отдельные оригинальные художественные явления. Однако необходимо учесть, что она создавалась на «чужом» для адыгов языке, существова-

ла в иной культурно-исторической среде и предназначалась зачастую для русского читателя. Важно подчеркнуть еще одну деталь - трудно представить, что разрозненные по времени написания и разные по уровню художественности произведения адыгских просветителей могли сформировать четко выраженные традиции и национальные закономерности. Сказанное дает основание утверждать, что просветительская культура в плане влияния на формирование новой литературы имела все-таки ограниченные возможности.

Другим важным и исторически закономерным фактором, оказавшим воздействие на быстрое становление новописьменных литератур, явилась русская литература. Русская и национальные литературы развивались на единой общественно-исторической почве. В этой ситуации, как утверждает Г. Ломидзе, русская классика раньше «освоила те проблемы, с которыми сталкивались другие литературы в годы социалистического формирования» [3: 10]. Здесь речь идет не об использовании новописьменными литературами готовых образцов для выработки общего стандарта — имеется в виду учеба творческому мастерству, усвоение через контактные формы связи типологических закономерностей общесоветского литературного развития. Нельзя потому недооценивать значение русской литературы. С другой стороны, абсолютизировать ее влияние представляется непродуктивным. Методологически верной будет точка зрения, согласно которой определяющим фактором становления «прозы исторического перелома» стала национальная культурно-историческая реальность, с характерными для нее особенностями. Русская литература в данном случае выступила в качестве примера, образца. Она, таким образом, представила благоприятные условия, стала настоящей школой для формирования творческого почерка и создания собственных художественных традиций.

Близость адыгских литератур к общесоветской обнаружилась, прежде всего, в содержании произведений, в проблематике и характере ее толкования. Общая задача нового искусства, обусловленная революционным переворотом, не предусматривала в то же время однообразия в художественном творчестве. Хорошо проявляется такая закономерность в характере развития национальных литератур. Специфика адыгской прозы и поэзии выразилась, к примеру, в том, что проблемно-стилевые и жанрово-композиционные поиски оказались тесно связанными с поэтикой устного поэтического творчества.

В рассказах, вошедших в сборник «Детские рассказы», Т. Борукаев обращается к отдельным фактам сегодняшней действительности, к живым и достоверным событиям жизни. Чтобы оживить поэтическую картину, автор использует мотивы фольклора, приемы устного поэтического творчества. Но такое соединение сцен революционной реальности и фольклорного материала не складывается в настоящий творческий рисунок. Автор как бы улавливает и отражает интонации реальности, но попытки восполнения недостающей выразительности декларативными по стилю выражениями снижают напряжение конфликта. Об этом свидетельствует рассказ «Лесная сказка». В основе повествования Т. Борукаева в этом случае известный сказочный сюжет о животных. В художественную ткань произведения автор вплетает два разных начала: одно — сказочные элементы и образы, другое — информационный материал о современной действительности и связанные с ним призывы и обращения. Писатель в этом случае не учитывает, что сказка с ее жанровой гармоничностью, особым строем, образным языком может восприниматься только целиком, в нерасчлененном виде. В результате разрушается целостная структура самого авторского повествования.

Выход в область образных обобщений, конечно, был связан с усвоением наи-

более существенных сторон нового бытия. Отсутствие же концепции личности, острого организующего конфликта мешало отражению реальности в ее полноте. Обращение к стихии народного творчества ожидало художественную картину, но не могло усилить проблемность. Вот почему попытка механически соединить фольклор с идеями революционной перестройки не привела к созданию оригинальных художественных явлений. И все же опыт рассказов Т. Борукаева, как и первых произведений Т. Табулова, И. Цея, М. Мамакаева, Т. Керашева, оказался явлением общезначимым. Поэтика устного поэтического творчества оказала влияние и на новеллу И. Ашкана «Ильяс». Автор в данном случае обратился к характерной для северокавказской прозы теме прошлого, которая рассматривалась в типологически близких литературах в контексте контрастного противопоставления старого и нового. Конфликт произведения сводится к воспроизведению традиционного сказочного мотива о трагической любви простого крестьянского парня к княжеской дочери. Социально заостренный конфликт, осложненный мотивами личных отношений, обещал, по замыслу, вырасти в драматическую реалистическую историю.

Социально обоснованная коллизия, соответствующая теме и изображающая столкновение в душе личной страсти и плебейской гордости, как показывает сюжет, со временем отступает на задний план. Определяет же действие роковое чувство, мало мотивированное и не зависящее от сословных отношений. Движение фабулы и финал рассказа свидетельствуют о том, что противоречия реальности, приведшие персонажей к трагическому концу, нечетко осознаются самим писателем. Именно это помешало выработке концепции революционной личности, соответствующей продекларированному в свое время методу нового реализма. Вот почему главный персонаж, представленный в качестве образа народного защитника, остался одиноким, оторванным от про-

стых людей. Показательно и то, что, пытаясь решить важнейшую проблему времени — концепцию нового человека, — писатель выбирает в качестве объекта изображения не современную реальность, а историческое прошлое. Автор, как видно, намеренно уходит от попытки показа сложной сегодняшней реальности. Такая тенденция проявилась в творчестве черкесского писателя Х. Абукова, кабардинского прозаика З. Максидова. Проявляется она и в формировании осетинской литературы, о чем писал в свое время Н. Джусойты [4: 312].

В рассказе «Пуд муки» Али Шогенцуков обращается к трудной жизни дореволюционного кабардинского села. Герой произведения — бедняк Хамид — берет у своего богатого соседа пуд кукурузной муки, пообещав отработать долг на его поле. Но оказывается, что возделанная крестьянином десятина недостаточна для жадного Хаджи. Хамид, напуганный и отчаявшийся, соглашается отдать богачу три пуда вместо одолженного одного. Незамысловатая история как бы воспроизводит привычную для реалистической литературы ситуацию. Но в толковании характера автор не останавливается на такой традиционной трактовке героя. Он пытается ввести в сюжет альтернативное действие. В рассказе появляется персонаж, который не соглашается с тем, что Хамид безропотно отдается судьбе. Вначале кажется, что Хасет — подлинный сын своего отца, что и он подчинился обстоятельствам, но со временем выясняется: герой готов не только послушаться, но и сопротивляться и идти своим путем. Стремление Али Шогенцукова усилить таким образом концепцию личности сказывается на характере показа. Писательская позиция заметно обозначена в рассказе, что проявляется в проведении четкой границы между добром и злом. Такая тенденция идет от влияния фольклорной поэтики. Автор вместе с тем наделяет одного из героев особым лирическим чувством, что проявляется в умении общаться с природой. Это заметно усложняет ха-

ракти, придает ему обаяние и силу. Али Шогенцуков стремится, как видно, реализовать концепцию человека нового времени – личности сильной, связанной с народом крепкими узами и способной к творчеству и созиданию.

Сходные задачи пытается решить З. Максидов в рассказе «Прошлые дни Гисы». Мотивы вызревания революционного сознания у героя, представляющего простой народ, получают образную реализацию в сюжете и расстановке персонажей. Герой автора батрак Гиса, отец которого «работал у пятнадцати хозяев», убеждается в том, что по-старому жить нельзя. Со временем он уходит из дому и становится участником повстанческого движения. Проблема выбора, поставленная писателем и связанная со временем «исторического перелома», решается и на примере жизни других персонажей. Выразителен, к примеру, образ старой женщины Нану, которая после долгих раздумий и сомнений решается порвать с агрессивным миром имущих власть и поддержать протест Гисы.

Показательно, что тема прошлого и конфликт, основу которого составляло столкновение старого и нового, решались З. Максидовым, как и другими писа-

телями, с позиций человека, ставшего не только свидетелем грандиозных перемен, но и участником коренного социально-политического переворота. Традиции реализма определили в этом случае чувство сострадания и жалости и показ в таком контексте образа маленького человека. Писатель вместе с тем не удовлетворяется изображением героя, обладающего нравственным превосходством перед угнетателями. Объектом его внимания становится личность, вступающая в активную борьбу за социальное переустройство реальности. Показательно в этом плане, что как в жизни, так и в используемом фольклорном материале художник ищет героев, содержащих героическое, созидательное начало. Образ сильной личности должен был, по замыслу, сформулировать новое представление о человеке, о его связях с историей и обществом. Связано это с тем, что в новых исторических условиях писатели стараются переосмыслить фольклорную концепцию героической личности, сняв с нее налет трагической неизбежности и придав ей творческие жизнеспособные функции. Такой подход осмыслен недостаточно полно, но важно, что он появился и нашел свое выражение в ряде рассказов.

Примечания:

1. Теунов Х. Литература и писатели Кабарды. Нальчик, 1955.
2. См. об этом: Баков Х.-Г.И. К проблеме исследования истории литератур народов Северного Кавказа // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2013. Вып. 2 (121). С. 142-146.
3. Ломидзе Г. Введение // Социалистический реализм в литературах народов СССР. М., 1962.
4. Джусойты Н.Г. Осетинская литература // История советской многонациональной литературы: в 6 т. Т. 1. М., 1970. 312 с.

References:

1. Teunov Kh. Literature and writers of Kabarda. Nalchik, 1955.
2. See on it: Bakov Kh.-G.I. The problem of studying the history of literatures of the North Caucasus people // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. Maikop, 2013. Iss. 2 (121). P. 142-146.
3. Lomidze G. Introduction // Socialist realism in the literature of the peoples of the USSR. M., 1962.
4. Dzhusoyty N.G. The Ossetian Literature // History of Soviet Multinational Literature: in 6 vol. Vol. 1. M., 1970. 312 pp.